

Ж.Б. Жауыншиева¹, Ж.К. Киынова¹, Д. Веселинов²¹Казахский национальный женский педагогический университет, Алматы, Казахстан;²Софийский университет Св. Климента Охридского, Болгария

(E-mail: zhanarkiyнова@gmail.com)

Сакральная семантика числа в мифопоэтической картине мира

В статье рассмотрена сакральная природа числа в мифопоэтической картине мира. На примере числовых обозначений в культурно маркированных текстах описаны их сакральная семантика и символика. Особое внимание уделено описанию мифопоэтической роли числа в различных архаичных картинах мира. Прослеживается, каким образом архаичные представления отражаются в современном художественном сознании и служат основанием для построения новых мифопоэтических концепций и образов. На основе мифопоэтической картины древнего мира изучена троичная классификационная система, объединяющая мифические божества. Описаны символическое значение и сокровенный смысл сакрально значимых чисел в мифолого-религиозной картине мира. Интерпретация сакральной семантики числа позволяет раскрыть их символические коннотации чисел, а также объяснить их смысл с точки зрения богословия, истории культуры и математики. Авторы приходят к выводу о том, что сакральная символика числа, запечатленная в мифах и представлениях предков, имеет свою интерпретацию в современном восприятии окружающей действительности, а также свое представление о сакральности определенных чисел, что связано с духовными смыслами числовых сообщений.

Ключевые слова: сакральная семантика, число, мифопоэтическая картина мира, символика, духовный смысл чисел.

Мифопоэтическая картина древнего мира является удивительным и ценным наследием, составляющим интегральную часть когнитивного опыта человечества. Сакральная природа числовых обозначений находит свое отражение в мифологии, фольклоре и литературе определенного этноса.

Описание семантики числа в мифопоэтической традиции наиболее полно раскрыто В.Н. Топоровым в энциклопедии «Мифы народов мира»: «Числа в мифопоэтических системах – один из наиболее известных классов знаков, ориентированный на качественно-количественную оценку; элементы особого числового кода, с помощью которого описываются мир, человек и сама система метаописания. Мифопоэтические основы числа, счёта и числовых моделей, более полно обнаруживаются в тех архаичных культурах, в которых: 1) число выступает уже самостоятельно, вне непрерывной связи с объектами; 2) сама система не является дефектной; 3) числа же ещё не полностью десемантизированы (как в культурах современного типа, утративших понимание неоднородности членов числового ряда). В архаичных традициях числа могли использоваться в ситуациях, которым придавалось сакральное, «космизирующее» значение. Тем самым числа становились образом мира и отсюда — средством для его периодического восстановления в циклической схеме развития для преодоления деструктивных хаотических тенденций» [1; 629].

Число составляет единую парадигму знания исчисления человеком всего Сущего. «Несмотря на связь с математикой — самой точной областью знания — толкование «количественных слов» представляет немалые трудности. В первую очередь здесь возникают лексикографические трудности при интерпретации количественной семантики лексических единиц, что вызвано несовпадением естественно-языковой и абстрактной систем количественных значений, а также их отдаленностью от предметного мира» [2].

Число как универсальное понятие, которое используется для выражения цифровых значений, связано с определенными культурными, религиозными канонами и содержит сакральную семантику, восходящую к первоосновам модели мира. Во многих реалиях и культурах есть числа, наделенные особым сакральным смыслом. Так, троичность мифических божеств и существ прослеживается во всех архаичных картинах мира. Троичная символика находит свое яркое отражение в мифопоэтической картине древнего мира. Сакральная природа понятия третий находит отражение в мифе о царе Колаксае («Солнце-царе»), имеющем многочисленные параллели в славяно-русской устно-поэтической традиции: у Таргитая, первого человека на земле Среднего Преднепровья, который был сыном Зевса и Земли (по другой версии — сыном Зевса и дочери Днепра) было три сына: Липоксай

(«Гора-царь»), Арпоксай («Голубь-царь») и Колаксай («Солнце-царь»), символизировавших земной, подземно-подводный и небесный миры [3].

Так, у многих народов космос понимается как трехступенчатая вертикаль: верхний мир (небо), средний мир (земля) и нижний мир (подземное царство). Тройка в русской традиции, в первую очередь, воплощение духовного начала. Как и в европейской культуре, она и символизирует полноту и завершенность. Почитание христианского понятия Троицы, которая представляет собой триединство, делает тройку обозначением совершенства и духовности. По наблюдению исследователей, «... во всех архаичных картинах мира нашла отражение троичная классификационная система, объединившая мифических божеств и героев. Известна древнеиранская верховная божественная триада: Воху Манна («благая мысль»), Арматай («благая мысль») и Аша Вахишта («истина»), имеющая параллель в древнеиндийской мифологии. В мифах Древнего Китая это «сань-хуан»: три мифические государя Фуси, Суй-жень и Шэн-нунь, ставшие устойчивым мифологическим нарративом, в котором отразился нравственный идеал героя-творца и деятеля» [4; 243].

«Магическое число 7» (по словам Дж. Миллера) характеризует общую идею вселенной, константу в описании мирового дерева, полный состав пантеона, число сказочных героев-братьев (ср. «Семь братьев», «Семь Симеонов» и сестёр и т.п.), число дней недели, число дней праздников, количество цветов спектра, тонов в музыке, основных запахов стереохимической теории, константу, определяющую объем человеческой памяти, и т.п. В некоторых культурно-языковых традициях существует семиричная система счисления и/или число 7 выступает вообще как наиболее употребительное число, характеризующее почти универсально всё, что исчисляется в мифопоэтическом космосе (ср. число 7 у кетов на Енисее) [1; 630].

Сакральная семантика числа «семь» связана с пространственно-временной символикой различных религий. Так, в шумеро-семитской традиции представлены семь планет, почитавшихся как божества. В греко-римской традиции это священная цифра, атрибут солнечных богов, символ небесной гармонии Аполлона-Феба, рожденному на седьмой день месяца. В арабской и других фольклорных традициях число *семь* обладало способностью оберегать от зла. Известно, что в античной и средневековой Европе изучали семь свободных искусств, в радуге различают семь цветов, музыкальные звуки разделены на семь нот, восточные географы делили землю на семь климатов (широтных зон). В исламе упоминается семь райских врат ада, паломник во время хаджа должен семь раз обойти вокруг Каабы. В суре 15 «Аль-Хиджр» (стих 87) сказано: «И Мы дали тебе семь повторяющихся и великий Коран». Комментаторы предполагают, что под выражением «семь повторяющихся» подразумеваются семь аятов первой суры «Аль-Фатиха» либо 2–8 суры Священного Писания мусульман. Аб-дал-лу — название семи мудрецов-помощников бога мудрости Энки из шумеро-аккадской мифологии; их считали основателями семи шумерских городов. Исследователи сопоставляют образы семерых архангелов, упоминавшихся в иудейской апокрифе «Книга Еноха» (II в. до н.э.) с семью Амеша Спена — бессмертными святыми в зороастрийском пантеоне и семью духами планет из мифологии вавилонян.

В христианском вероучении существует представление о семи добродетелях и семи грехах. Вообще представление исчисления времени в евангельских текстах связана со структурой этих текстов. В качестве основной единицы счетного характера, выступающей в качестве временной координаты в евангелиях, является *день*. Реалистичность *дня*, как размерности времени, и умоэзрительность *часа*, т.е. некое идеальное пространство, адекватно этимологии этих слов: *день* связан со зрительным образом в значении «светлое время суток» — **di* – «сиять, излучать свет», *день* описывает некое пространственно-временное единство, и именно пространственность определяет область реализации событий *дня*; *час* обозначает время активное, «срочное», не имеет пространственных характеристик и поэтому описывает внутреннее созерцание и задает область локализации событий.

Количественные значения слов, обозначающих время (отрезок числовой оси той или иной деятельности), не нуждаются в специальном лингвистическом описании. Интерес представляет качественная спецификация времени, понимаемого как синоним жизни, то есть соотносимое с разными сторонами бытия. В этом отношении носителями моделей времени могут быть такие слова, как *время*, *пора*, *минута*, *миг*, *мгновение*, *момент*, в семантике которых интерпретируется качество времени, его заполняющее. Так, Е.С. Яковлева, анализируя семантическую структуру моделей времени, указывает на то, что «модель мыслится как двучленная семантическая структура, первый компонент которой является оценкой, а второй — ее интерпретацией, к примеру, у слов *мгновение* и *момент* оценочное основание общее — «краткость» временного интервала; а интерпретации различны: *момент* выражает «рациональное», «аналитическое», «внеположенное» (позиция стороннего наблюдателя);

мгновение интерпретирует временной интервал в рамках «уникального», «важного», «личного», «незабываемого». Модели задают три различные интерпретации событий на одном интервале времени: «бытовое», «повседневное» (минута, секунда); «надбытовое», «исключительное» (миг, мгновение); «рациональное», «аналитическое» (момент)» [5; 57].

Если рассматривать эту оппозицию в ракурсе языкового сознания носителей языка, то *час, мгновение, минута, миг* проецируют события на внутренний мир и именно они предназначены для описания ментального плана жизни. *День*, как и *дни, времена, век, эпоха, годы, лета*, описывает мир внешний. Иначе говоря, первые — это темпоральные спецификаторы качества времени (события), а вторые — это названия отрезков жизненного пространства, отмеченного событием, т.е. вместилища событий. В обоих случаях мы видим «идею реализации жизненного пути, на котором *день* и *час* отмечают «вехи», при этом *день* акцентирует в этом «пути» внешнее, быть может, публичное (*день всеобщего торжества, день признания, славы*), а *час* — внутреннее, интимное (*час прозрения, постижения*). Именно час способен к описанию «тайных сроков», указывающих на осуществление события в пространстве внутреннего созерцания» [5; 66].

Наиболее маркированным в русской языковой картине времени является *час*, обозначающий не только определенное время суток (количественное значение), но и обладающий, в большей степени, качественной спецификацией: время — как вместилище событий — жизнь, которая мыслится в категориях времени. Связь *часа* с библейской тематикой определяет такие его характеристики, как «духовность», «судьбозначимость», «неизбежность». Причем такими характеристиками «обладает» форма единственного числа — *час*, так как для этой формы числа фактор количества нерелевантен (*Настал час разлуки*). По сравнению с формой множественного числа *час* обладает неким потенциалом неопределенности и возможностью к обобщению, типологизации описываемого временного отрезка: *час (а не часы) возмужания/ становления личности, о часе (а не о часах) прозрения нации*. Такие сочетания позволяют говорить о том, что час описывает духовное и ментальное, а не физиологическую сферу — сферу природных ритмов и закономерностей. Интересна и сама эволюция значения *часа*, некогда называвшего время вообще, и именно на основе сопоставления *часа* и других отрезков времени можно отчетливо проследить «столкновение» архаичного и современного языкового сознания. Так, сопоставление *дня* и *часа* дает нам ясную картину их функциональных различий: если *день* обладает вполне определенным и устойчивым смысловым содержанием, то *часу* может соответствовать самый широкий круг слов — *мгновение, пора, время, година*. Библейский *день* может обозначать как время от восхода до захода солнца, так и единицу макрокосма (Бога) и единицу человеческого микрокосма, т.е. саму человеческую жизнь: *В Твоей руке дни мои; ... И умер Иов, насыщенный днями; Дней наших — семьдесят лет; Я сказал: Боже мой! Не восхити меня в половине дней моих* — все это традиционные библейские формулы использования дня. Из этих примеров следует, что для обозначения «жизни человека» использовалось множественное число *дни*, тогда как в современном употреблении возможности применения этой формы ограничены. С этим непосредственно связаны библейские представления о времени — час «движется» поступками людей и определяется духовными человеческими проявлениями. То, что *час* этот мыслится как некий тайный срок, который не зависит ни от воли отдельных лиц, ни от внешних событийных переворотов, хорошо видно из следующих примеров: *Сии слова говорил Иисус у сокровищницы, когда учил в храме; и никто не взял Его, потому что еще не пришел час Его*. *Час*, в отличие от других специальных временных единиц, в существенной степени наследует специфику часа Нового Завета, описывая при этом духовные ценности, а именно поступки отдельных людей и их душевные проявления, и потому характеризуется персонцентричностью: *И, отойдя немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей* (Евангелие от Матфея). Пожалуй из всех времечных единиц, только *час* «движется» поступками людей и характеризуется некой «судьбозначимостью»: момент, который мыслится как неизбежный, необходимый и непреложный в свете данной судьбы, данного «пути».

По мнению В.И. Постоваловой, «в истории культуры существуют две концепции числа, рассматривающие его в «чистом виде». Первая концепция — «семантическая», свойственная архаическому мифопоэтическому и религиозно-мистическому сознанию (Пифагор, Платон, Плотин, неоплатоники). Она исходит из онтологического понимания числа как некой самостоятельной, объективной индивидуальности (субстанции). Согласно данной концепции, числа неоднородны. Вторая концепция числа — «десемантизованная», характерная в целом для современного секуляризованного сознания, исходит из понимания чисел как абстрактных, однородных элементов счета» [6; 292].

Согласно древним мистическим учениям, самостоятельным символическим значением в ряду сакрально значимых чисел наделяются числа первой «десятицы». Мистико-символическое значение других чисел определяется путем применения к числам десятицы, к которым сводятся эти другие числа. Так, число двенадцать рассматривается как сумма сакрально отмеченных чисел четыре и восемь.

Таким образом, сакральная символика числа, запечатленная в мифах и представлениях предков, имеет свою интерпретацию в современном восприятии окружающей действительности. У каждого народа сложилось свое представление о сакральности определенных чисел, что связано с духовными смыслами числовых сообщений.

Список литературы

- 1 Топоров В.Н. Числа. Мифы народов мира: энциклопедия. / В.Н. Топоров. — М., 1980. — С. 629–631.
- 2 Арутюнова Н.Д. Проблема числа. Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. / Н.Д. Арутюнова; отв. ред. Н.Д. Арутюнова — М.: Индрик, 2005. — С. 5.
- 3 Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В.Н. Топоров. — М.: Издат. группа «Прогресс»-«Культура», 1995. — 624 с.
- 4 Владимирова Т.Е. Архетип триединства, троичности и трехстадности в мифах / Т.Е. Владимирова; отв. ред. Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Числовой код в разных языках и культурах. — М.: ЛЕНАНД, 2014. — С. 238–247.
- 5 Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. — М.: Гнозис, 1994. — 86 с.
- 6 Постовалова В.И. Мистика и символика числа в Священном Писании (опыты истолкований в православно-традиционной традиции) / В.И. Постовалова; отв. ред. Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Числовой код в разных языках и культурах. — М.: Ленанд, 2014. — С. 285–303.

Ж.Б. Жауыншиева, Ж.К. Кинова, Д. Веселинов

Әлемнің мифопоэтикалық бейнесіндегі санның әдет-ғұрыптық семантикасы

Мақалада әлемнің мифопоэтикалық бейнесіндегі санның әдет-ғұрыптық семантикасы қарастырылды. Мәдени таңбаланған мәтіндердегі санмен белгіленген мысалдар негізінде олардың әдет-ғұрыптық семантикасы мен символикасы сипатталды. Әлемнің әртүрлі көнерген бейнесіндегі санның мифопоэтикалық қызметін бейнелеуге ерекше назар аударылды. Көнерген түсініктердің заманауи көркем санадағы көрініс табуы қарастырылып, оладың жаңа мифопоэтикалық тұжырымдар мен бейнелерді қалыптастыруда негіздеме болу мүмкіндіктері белгіленді. Ежелгі дүниенің мифопоэтикалық бейнесі негізінде мифтік құдіреттерді біріктіретін қасиетті үштікті жіктеу жүйесі қарастырылды. Әлемнің мифтік-діни бейнесіндегі қасиетті маңызы бар сандардың символикалық мағынасы мен сырлы құпиясы сипатталды. Сандардың әдет-ғұрыппен байланысты киелі семантикасын түсіндіру олардың символикалық коннотациясын ашуға және олардың мағынасын мәдениет тарихы, математика және дін ілімі тұрғысынан қарастыруға мүмкіндік берді. Авторлар ата-бабаларымыздың дүниетанымында және мифтерде көрініс тапқан сандардың киелі символикасы қоршаған ортаны заманауи қабылдауында да өзіндік сипаты бар деген тұжырымға мысалдар арқылы дәлел келтірді. Сонымен қатар белгілі бір сандардың қасиетті мағынасының рухани маңыздылығы зерттелді.

Кілт сөздер: әдет-ғұрыптық семантика, сан, әлемнің мифопоэтикалық бейнесі, символдар, сандардың рухани маңыздылығы.

Zh.B. Zhauynshiyeva, Zh.K. Kiynova, D. Vesselinov

Sacred semantics of the number in the mythopoetic picture of the world

In the article the sacred nature of the number in the mythopoetic picture of the world is considered. On the example of numerical symbols in culturally marked texts their sacred semantics and symbolism are described. Special attention is paid to the description of mythopoetic role of number in various archaic pictures of the world. It is traced how archaic ideas are reflected in the modern artistic consciousness and serve as the basis for the construction of new mythopoetic concepts and

images. On the basis of the mythopoetic picture of the ancient world a ternary classification system that combines mythical deities is considered. The symbolic meaning and the secret meaning of sacredly significant numbers in the mythological and religious picture of the world are described. The interpretation of the sacred semantics of the number, as well as to reveal their symbolic connotations of numbers allow to reveal their meaning from the point of view of theology, history of culture and mathematics. The authors come to the conclusion that the sacral symbolism of the number, captured in the myths and ancestors, has its interpretation in the modern perception of the surrounding reality, as well as its idea of the sacredness of certain numbers, which is associated with the spiritual meanings of numerical messages.

Keywords: sacred semantics, number, mythopoetic picture of the world, symbolism, spiritual meanings of numerical messages.

References

- 1 Toporov, V.N. (1980). *Chisla. Mify narodov mira: entsiklopediia* [Numbers. Myths of the world people: encyclopaedia]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia [in Russian].
- 2 Arutyunova, N.D. (2005). *Problema chisla. Lohicheskii analiz yazyka. Kvantifikativnyi aspekt yazyka* [A problem of number. Logic analysis of language. Quantitative aspect of language]. Moscow: Indrik [in Russian].
- 3 Toporov, V.N. (1995). *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo: izbrannoe*. [Myth. Ritual. Symbol. Character: Researches in area of mythical: Select]. Moscow [in Russian].
- 4 Vladimirova, T.E. (2014). Arkhetip triedinstva, troichnosti i trehstadalnosti v mifakh [The archetype of the trinity and three stages in the myths]. *Lohicheskii analiz yazyka: Chislovoi kod v raznykh yazykakh i kulturakh* [in Russian].
- 5 Yakovleva, E.S. (1994). *Frahmenty russkoi yazykovoi kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriiatii)* [Fragments of the Russian language picture of the world (models of space, time and perception)]. Moscow: Hnozis [in Russian].
- 6 Postovalova, V.I. (2014). Mistika i simbolika chisla v Sviashchennom Pisanii (opyty istolkovaniia v pravoslavno-traditsionnoi traditsii) [Mysticism and symbolics of number in Scripture (experiments of interpretations are in Orthodox)]. *Lohicheskii analiz yazyka: Chislovoi kod v raznykh yazykakh i kulturakh*, 285–303. Moscow: Lenand [in Russian].